

«Гиллай, нам позарез нужна сенсация...»

Его знала вся Москва, и он, репортер до мозга костей, знал ее всю, до самых грушоб, куда в буквальном смысле не добирался луч света. Огромная физическая сила и самообладание помогали ему выходить из многих передряг. Вот почему в середине апреля 1899 года Владимир Гиларовский стал корреспондентом и заведующим московским отделением вновь выходящей газеты «Россия». Огромная интересная газета с блестящей информацией вышла 28 апреля, когда кипела подготовка к Пушкинским торжествам в Москве. Так и пошел номер за номером... И сегодня, отмечая 125-летие нашего издания, мы не могли отказать себе в удовольствии взять интервью у Владимира Алексеевича Гиларовского, дяди Гилая, — короля дореволюционных репортеров.

Рука, которую целовал Пушкин

— В наше время нет проблем с передачей информации. Скажите, а каким образом вы пересылали в редакцию московские известия?

— По международному телефону к часу ночи.

— А много у вас было помощников?

— Сербский студент Милан Михайлович Бойович, сотрудничавший в радикальной сербской газете «Одбек». Его честность и деловитость мне были необходимы, я на него мог положиться как на самого себя. Я был знаком с его семьей, жившей в Сербии: отец — учитель, сестра — учительница, мать и еще малолетние братья и сестры. Я с письмом Бойовича был у них в 1898 году, когда ездил в Белград, командированный Русским гимнастическим обществом, председателем которого я был, для участия в состязаниях, устраиваемых гимнастическим сербским обществом «Душан Сильный».

— Одна из ваших московских корреспонденций начиналась так: «Я сейчас имел счастье целовать ту руку, которую целовал Александр Сергеевич Пушкин». Расскажите, это безумно интересно, кому же принадлежала эта рука?

— Да, это было так. Мне удалось узнать, что еще жива В.В. Нащокина и ютится где-то в подмосковном селе Всехсвятское. Я нашел ее на задворках, в полуразрушенном флигеле.

— И какой вы ее нашли?

— Передо мной в ветхом кресле сидела ветхая, ветхая старушка, одна-одинешенька. Я всю беседу с ней описал тогда в «России», а теперь помню только, что она рассказывала о незабвенных вечерах. Пушкин всегда читал ей свои стихи, они сидели вдвоем, когда муж задерживался в Английском клубе... Прощаясь, я поцеловал у нее руку, и она сказала, подняв на меня свои старческие глаза: «Пушкин всегда мне руку целовал... Ах Пушкин, все Пушкин!» Я послал корреспонденцию в «Россию», а рассказ о Нащокиной — в пушкинскую комиссию. Дряхлую старушку возили в одно из заседаний, чествовали и устроили ей пенсию.

Чай, татары и сыпной тиф

— За годы репортерской деятельности вам часто приходилось добывать сведения, которые по цензурным, политическим и другим причинам газеты не печатали. Однако время от времени сенсации все-таки проскакивали. Что-то подобное было в «России»?

— В Москве существовала чайная фирма «Высоцкий и Гоц», имевшая огромный оборот. Этого чая в Москве почти не продавали, но он имел широкое распространение в западных и южных губерниях. Были города, особенно уездные, где другого чая и достать было нельзя. Фирма рассылала по торговцам чай через своих комисионеров, которые оставляли товар в кредит, делая огромную скидку, какой не могли делать крупнейшие московские фирмы — Поповы, Перловы, Филипповы, Губкины.

— А в чем же был, выражаясь современным языком, криминал?

— Встречаю как-то на улице знакомого татарина, который рассказывает мне, что чайная фирма выписала из голодающих деревень За-волжья большую партию татар, ко-

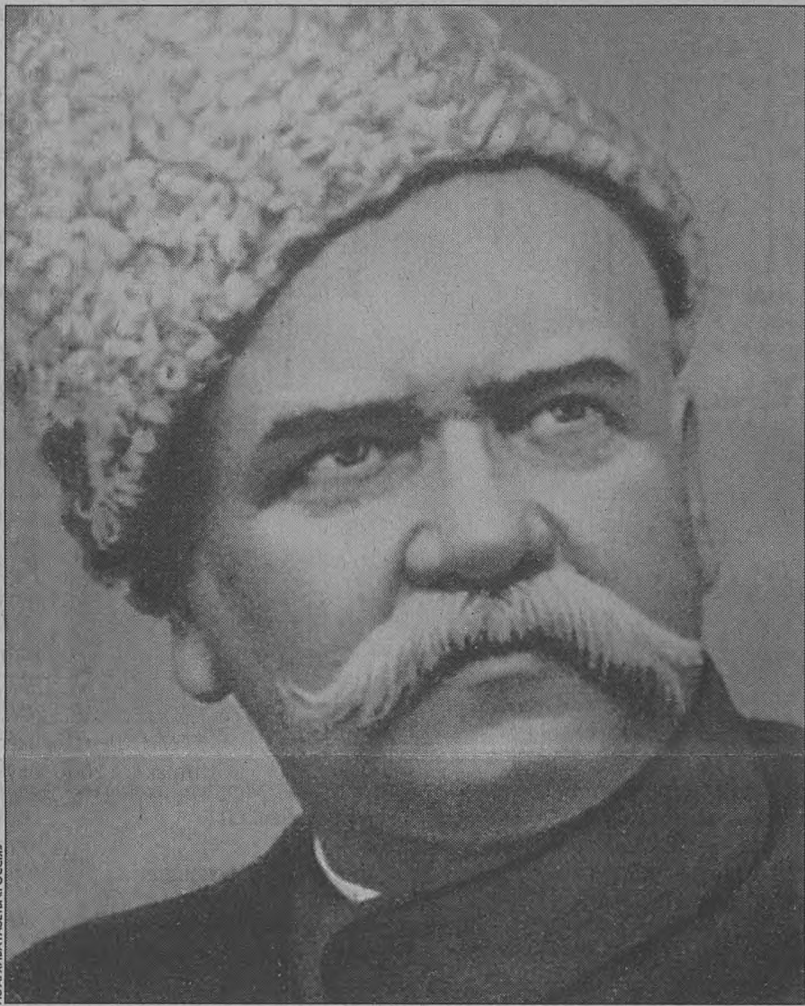
торые за грошовое жалованье, ютятся с семьями в грязи и тесноте, работают на заварке чая. Они живут на своих частных квартирах, которые стали очагами заболевания сыпным тифом.

— Были зафиксированы смертельные случаи?

— Много татар умерло, а живые продолжали работать, приходя из своих зараженных квартир рассыпать и заваривать чай.

— И что вы предприняли?

— Я тотчас же отправился на их квартиры в переулки близ Грачевки и действительно нашел нечто

Владимир Гиларовский — король дореволюционных репортеров

ужасное: сырые, грязные помещения набиты татарскими семьями, где больные сыпным тифом, которых еще не успели отправить в больницу, находятся вместе со здоровыми... Говорил, спрашивал, выслушивал жалобы от всех, кто не боялся со мной говорить.

— А как повела себя полиция?

Впрочем, не трудно догадаться...

— Зашел в местный участок, где застал дежурного околотоного, который ровно ничего не знал об очаге сыпного тифа. Так как это был не его околотонок. Разыскал помощника пристава, но он мне ответил нехотя: «Да, что-то такое я слышал, только я этим не занимаюсь». Я прямо отправился на международный телефон, вызвал Амфитеатрова, рассказал подробности и продикувал заметку. Через день газета была в Москве.

— И какую реакцию она вызвала в Белоканальной?

— Это была сенсация. Ее перепечатали провинциальные газеты, а московские промолчали... От чая этой фирмы стали бояться заразиться сыпным тифом. На другой день явились два представителя ко мне как заведующему отделением «России» и начали требовать имя автора, грозя судом.

— А вы что на это?

— Я их попросту выгнал. Но каким-то путем все-таки узнали, что автор заметки я. Часа через три явились два других франта, ласковые и заискивающие, совершенно

просто и откровенно предложили мне крупную взятку, только чтобы я написал опровержение. Этих уж я так выгнал, что отбил навсегда охоту приходить с такими предложениями, и тотчас же вызвал Амфитеатрова, подробно рассказал о предложенной взятке и просил, чтобы редакция не печатала никаких опровержений, потому что известие верно и никто судиться не посмеет.

— Интересная получается картина: разговоры — по всей Москве, а в газетах ни строчки об этом ужасном факте.

— Ко мне зашел сотрудник одной газеты, человек весьма обделенный, и начал напевать о том, что я напрасно обидел фирму, что из провинции торговцы наотрез отказываются брать их чай и даже посылают его обратно. Он мне открыто предложил взять наличными и, кроме того, принять на несколько тысяч объявлений для газеты.

— Интересно, а как реагировали на все это в Питере, в редакции нашей газеты?

— И вы, как мы знаем, попали в самую кашу: на бывшего короля Милана, который руководил своим безвольным сыном Александром, было совершено покушение.

— Все помышления Милана сводились к тому, чтобы ликвидировать партию радикалов, мешавшую самовластью фактического короля. 24 июня в Белграде на Милана было произведено покушение: Джуря Княжевич выпустил в него на главной улице четыре пули. После первого выстрела Милан выскочил из коляски и начал ползти по мостовой, стараясь спрятаться от пули, но последовал еще выстрел, который ранил Милана сзади, слегка оцарапав кожу. Пока Милан ползал и прятался за коляской, «аттентатор» ранил в руку майора Лукича, адъютанта Милана, а сам, выстрелив себе в шею, бросился на набережную реки Савы и прыгнул в воду, откуда был вскоре извлечен и арестован.

— Когда и как вы об этом узнали?

— Подъезжая к Белграду и уже на вокзале, где два года назад меня торжественно встречали и провожали, я почувствовал, что в городе что-то готовится. Свободно, независимо, с хорошим настроением, как и тогда, я вышел из вагона, ничего не подозревая, но мрачный полицмен-офицер внимательно взглянул на меня и с неперекладным видом потребовал паспорт. Это меня обозлило. Ответив ему таким же взглядом, я сунул ему в руки паспорт, сказав: «Прислать ко мне в «Гранд-отель», — и ушел. Наступил вечер. Обычно оживленный Белград нельзя было узнать: кафены и пиварни были закрыты, в домах не видно огня, на улицах только блестяли ружьями патрули.

— Что случилось с вашими друзьями?

— Разузнав кое-что в гостинице, где меня встретили как старого знакомого, я вынул из чемодана письма, положил их в карман и, несмотря на вокзал, где два года назад меня торжественно встречали и провожали, я почувствовал, что в городе что-то готовится. Свободно, независимо, с хорошим настроением, как и тогда, я вышел из вагона, ничего не подозревая, но мрачный полицмен-офицер внимательно взглянул на меня и с неперекладным видом потребовал паспорт. Это меня обозлило. Ответив ему таким же взглядом, я сунул ему в руки паспорт, сказав: «Прислать ко мне в «Гранд-отель», — и ушел. Наступил вечер. Обычно оживленный Белград нельзя было узнать: кафены и пиварни были закрыты, в домах не видно огня, на улицах только блестяли ружьями патрули.

— Что вы предприняли дальше?

— Из банка я отправился на скупшину «Душана Сильного», где заседало человек двести. Меня выбрали почетным председателем. Кто-то из собравшихся предложил выразить сочувствие «королю Милану». Я в резких выражениях от-

казался от звания председателя, и собрание скомкалось. Многие похватали шляпы и быстро разошлись. Около меня осталось только шестеро друзей, угостивших меня обедом, который был устроен в каком-то глухом саду, в старой беседке, куда собрались поодиночке. Во время обеда мне сообщили имена десятков арестованных радикалов.

— Белград находился на осадном положении?

— Это подтверждали расклеенные всюду афиши, гласившие, что объявлено «ванредно станье» — осадное положение. В городе была паника, люди боялись говорить друг с другом, ставни всех окон на улице были закрыты. По пустынным улицам ходили отряды солдат и тихо проезжали под конвоем кареты с заведенными окнами.

— Мрачная картина...

— На мои вопросы по поводу «аттентатора» все молчали и только махали руками, чуть не зажимая рот. Один прямо предупредил, что за такие слова расправа коротка — не посмотрят, что русский. Было бесконечно жаль видеть Белград, который так недавно я видел ликующим, в таком терроре.

— И тогда...

— Я решил, может быть необходимо, рискованно и — в первую очередь — неудачно, попробовать помочь в первую очередь арестованным радикалам. В пиварне «Империяль» я написал и отнес на телеграф телеграмму в «Россию», написанную по-русски французскими буквами.

— Она дошла по назначению?

— Моя телеграмма не была отправлена, и милановские сторонники такого человека, который может пустить по свету правдивое сообщение о событиях в Сербии, должны были ликвидировать. У Милана расправа с такими людьми была короткая. На паспорте отмечалось, что владелец его выбыл из Сербии, а чемодан и паспорт бросали на вокзале, например, в Вене.

— Как вас встретила Москва?

— Соскакиваю с пролетки, отдаю извозчику деньги. Вдруг передо мной останавливается с выпученными глазами и удивленно раскрытым ртом М.М. Бойович: «Ты, Гиллай!» «Здравствуй, Милаша», — ответил я, обнимая и целуя его. Оказывается, он не считал уже меня в живых. Утром он получил телеграмму, что я тайно казнен, и он торопился в Сербское подворье, чтобы заказать обо мне панихиду, перед этим зашел ко мне в дом, чтобы приготовить мою семью к известию о моей гибели.

— А дальше — Питер?..

— Вечером я выехал в Петербург, где был радостно встречен редакционными друзьями, сообщившими, что «Россия» увеличила свой тираж. Редакция чествовала меня обедом за газетный «бум», свергнувший короля. За обедом из рук в руки ходила моя табакерка, которой ковенно я был обязан спасением.

«Беседовал» Павел Евдокимов

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Король фельетонов В. Дорошевич (слева), заведовавший региональным отделом газеты «Россия», и В. Лавров

— Очень рад, что приехали, идите, там ждут!» В редакторском кабинете я застал А.В. Амфитеатрова, В.М. Дорошевича и Яшу Рубинштейна, талантливого юношу, музыкального критика, сына Антона Рубинштейна. Остальные участники совещания уже ушли.

— О чем шла речь?

— После общих разговоров А.В. Амфитеатров — он был главной силой в редакции, и его слово имело решающее значение — сказал: «Гиллай, нам позарез нужна сенсация — вся надежда на тебя». — «Все, что интересного будет в Москве, не прозвезаю!» — «Нет, надо что-нибудь эффектное, крупное, Москвы нам мало!» «Вроде Стенли, открытия Африки», — пошутил Яша.

— И вы вспомнили про своего верного сотрудника серба Бойовича?..

— Он мне говорил, что хорошо бы объехать дику Албанию, где нога европейца не бывала. А кто и попадал туда, то живым не возвращался... Об этом я рассказывал А.В. Амфитеатрову и В.М. Дорошевичу, те пришли в восторг, приказали выдать мне крупный аккредитив, так как предстояло купить оружие и лошадь. На другой день я выехал в Москву, получил заграничный паспорт и через три дня отправился на Балканы. В кармане у меня были письма в редакцию газеты «Одбек» и ее редакторам Пашичу и Протицу и к учителю М.М. Бойовичу от его сына — литератора, студента Московского университета.

— И никто бы не упрекнул вас за это.

— Но тогда не стоило бы ехать. Это позор для журналиста — убежать от такого события.

— Естественно, полиция, получив указание, не спускала с вашей заметки фигуры глаз.

— Душановцы, сообщив, что у них сегодня общее собрание в «Империяле», ушли, хотя я и просил их подождать, чтобы идти вместе в банкирскую контору Андреевича получить перевод.

— А вы поняли, почему они торопились?

— В конторе Андреевича я получил деньги, окруженный полицейскими офицерами. Один из них спросил меня, как это я, корреспондент, ухитрился так вовремя приехать к событию и за четыре дня до него перевести деньги. Я ответил ему довольно дерзко по-русски, и он больше ко мне не приставал.

— Что вы предприняли дальше?

— Из банка я отправился на скупшину «Душана Сильного», где заседало человек двести. Меня выбрали почетным председателем. Кто-то из собравшихся предложил выразить сочувствие «королю Милану». Я в резких выражениях от-

казался от звания председателя, и собрание скомкалось. Многие похватали шляпы и быстро разошлись. Около меня осталось только шестеро друзей, угостивших меня обедом, который был устроен в каком-то глухом саду, в старой беседке, куда собрались поодиночке. Во время обеда мне сообщили имена десятков арестованных радикалов.

— Белград находился на осадном положении?

— Это подтверждали расклеенные всюду афиши, гласившие, что объявлено «ванредно станье» — осадное положение. В городе была паника, люди боялись говорить друг с другом, ставни всех окон на улице были закрыты. По пустынным улицам ходили отряды солдат и тихо проезжали под конвоем кареты с заведенными окнами.

— Мрачная картина...

— На мои вопросы по поводу «аттентатора» все молчали и только махали руками, чуть не зажимая рот. Один прямо предупредил, что за такие слова расправа коротка — не посмотрят, что русский. Было бесконечно жаль видеть Белград, который так недавно я видел ликующим, в таком терроре.

— И тогда...

— Я решил, может быть необходимо, рискованно и — в первую очередь — неудачно, попробовать помочь в первую очередь арестованным радикалам. В пиварне «Империяль» я написал и отнес на телеграф телеграмму в «Россию», написанную по-русски французскими буквами.

— Она дошла по назначению?

— Моя телеграмма не была отправлена, и милановские сторонники такого человека, который может пустить по свету правдивое сообщение о событиях в Сербии, должны были ликвидировать. У Милана расправа с такими людьми была короткая. На паспорте отмечалось, что владелец его выбыл из Сербии, а чемодан и паспорт бросали на вокзале, например, в Вене.

— Как вас встретила Москва?

— Соскакиваю с пролетки, отдаю извозчику деньги. Вдруг передо мной останавливается с выпученными глазами и удивленно раскрытым ртом М.М. Бойович: «Ты, Гиллай!» «Здравствуй, Милаша», — ответил я, обнимая и целуя его. Оказывается, он не считал уже меня в живых. Утром он получил телеграмму, что я тайно казнен, и он торопился в Сербское подворье, чтобы заказать обо мне панихиду, перед этим зашел ко мне в дом, чтобы приготовить мою семью к известию о моей гибели.

— А дальше — Питер?..

— Вечером я выехал в Петербург, где был радостно встречен редакционными друзьями, сообщившими, что «Россия» увеличила свой тираж. Редакция чествовала меня обедом за газетный «бум», свергнувший короля. За обедом из рук в руки ходила моя табакерка, которой ковенно я был обязан спасением.

«Беседовал» Павел Евдокимов

Наша справка

Гиларовский Владимир Алексеевич — потомок запорожских казаков, поэт, писатель и журналист. Родился 26 ноября 1853 года в лесном хуторе Вологодской губернии, где его дед с материнской стороны Петр Иванович Усатый, кубанский казак, занимал должность управляющего обширным имением графа Олсуфьева.

Юность Гиларовского прошла в Вологде. Он учился там в гимназии, но ее не окончил и с восемнадцати лет начал скитаться по России в поисках приключений. Его биография, изданная при советской власти, несколько смазана им самим, соответственно требованиям эпохи. В ней он делает главный упор на свое бродяжничество, работу бурлаком, крочником, пожарным, табунщиком, циркачом, актером, репортером и т.п. Говорит, что из юнкерского училища его уволили без производства в офицеры, а о службе в казачьей части

вспоминает лишь слегка. Однако наши современники, его друзья, знали Гиларовского — казака и офицера, — принимавшего участие в войне с Турцией (1877 год) в рядах Кубанского пластунского батальона.

Зрелые годы он провел в Москве, работая репортером газет «Московский листок», «Русские ведомости», «Россия», «Русское слово», «Русская мысль» и других. Одно время сам издавал «Листок спорта», имел контору объявлений и организовал Русское гимнастическое общество.

Во время Первой мировой войны издал три книжки патристических стихов. Автор знаменитой книги «Москва и москвичи», вышедшей в 1926 году. Умер в ночь на 1 октября 1935 года.

Казачий словарь-справочник. Кливленд, Охайо, США, 1966 год.

«Я написал и отнес на телеграф телеграмму в «Россию», написанную по-русски французскими буквами». (В. Маковский. «За газетой»)